

**ИГОРЬ
БАХТЕРЕВ
ОБЭРИУТСКИЕ
СОЧИНЕНИЯ
ТОМ 2**

МОСКВА · ГИЛЕЯ

2013

Real Hylaea

Игорь Бахтерев

Обэриутские сочинения. Том 2

«Гилея»

1925–1991

Бахтерев И. В.

Обэриутские сочинения. Том 2 / И. В. Бахтерев — «Гилея»,
1925–1991 — (Real Hylaea)

ISBN 978-5-87987-080-0

Первое в России отдельное издание стихов, поэм, пьес и прозы одного из основателей литературного объединения ОБЭРИУ, соавтора А. Введенского и Д. Хармса Игоря Владимировича Бахтерева (1908-1996). Тексты охватываются периодом с 1925 по 1991 год и, хотя их значительная часть была написана после распада группы и ареста автора (1931), они продолжают и развивают ее творческие установки. В формате a4.pdf сохранен издательский макет книги.

ISBN 978-5-87987-080-0

© Бахтерев И. В., 1925–1991

© Гилея, 1925–1991

Содержание

Миракли	7
Кавалергард и проститутка,	7
Обманутые надежды	14
Ночной миракль из Мо-хо-го	30
Миракль из Мо-хо-го	52
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Игорь Бахтерев
Обэриутские сочинения. Том 2
Миракли, пьесы и водевили, повествования

Составление и примечания Михаила Евзлина

Игорь Бахтерев. Ленинград. 1984 год. Фото В. Немтинова

Миракли

Кавалергард и проститутка, или Обманутые надежды (рассказ в стихах и прозе)

Кавалергард Артём в отставке
Когда шумел вечерний час
По набережной двигался канавки
Немножко подбочась.

Ему наскучила картина
Дождя лежавшего вокруг
На лужах мокрый звук ботинок
Пролёток встречных мокрый звук
И древней конки стук привычный.

Он обходил в тревоге давней
Подвалы громкие трактиров,
Басы где пьяных зычные
Вползали между ставней
К соседям в мирные квартиры
Как будто в нор укромное жильё
Вползают быстроглазые ужи.

Где голос женщины кричал
«Здесь благонаравия мужи
Души утратили начала...»
И прокричав спешил за ней
За Софьей – дочерью полей
Которая бесчувственным панелям стала другом
В мраке улиц возникая вдруг
То на песках, то за Невой
Мелькая юбок белизной.

Была случайна встреча их
На Невском у Садовой
Из грубых рук не зная чьих
Она пришла в гаржетке новой.
«Я жить хочу сначала...»
Вечерний шум она перекричала
В ответ Артём кружился
Прохожих задевал
Сегодня я женился
Он в небо мокрое сказал:

«Довольно нам страниц мученья
Довольно зла на перекрёстке
Нам нужен курс души леченья
Мне и девушке подростку!»
Тогда из подворотни вышли две старухи
Их внешний вид был длинный длинный
В потьмах скрипели их сухие руки
Они шарманку медленно вертели
И под шарманку с выраженьем сильным
Слова тряхомысленные пели.

песня старух

Ох, вам и горько,
Ох и трудно
По жёсткой улице ступать
Над сединой волос тут фонарей мерцанье
Но нету света в мокрой вышине
Но нету света в мокрой вышине
Уж лучше травки нюхать в поле
Они дождя приняли запах
Благоухание болот
Благоухание болот
Брусники скромную печаль
Познать в уединеньи рта
А сучьев трепетных изгибы
Приблизить к профилю лица
Приблизить и забыться до рассвета
Глядите в ширь глядите дальше
И в глубину пространства
Через домов неясные квадраты
Туда где по лугам шагает детство
С чугунной сковородкою в руке
Там форм стремительность
Там сельский шопот
Коровьих дум напоминая древность
И вдохновенье шапки на мосту
И нежность рыбки под мостом
На чём песня и заканчивается.

Дотянув последнюю ноту, старухи заговорили на два голоса:

«Артём! Артём! душой прелестный
Ах, Софья – местная краса
В осенний вечер тесный и сырой
Когда ветры адмиралтейский шпиль качают
И туч обледенелых вьётся рой
Каких забот житейская гроза
Вас за углом тогда подстерегает?»

Надежд безжалостный обман,
А может быть испуг,
А может быть отравы уличный дурман,
Который сердце обволакивает вдруг.
Нет спасения тогда для вас...»
Шелестел старух нечистый бас
«Кто с нами, ну ка?
Мы в шинок
Вот естества наука!
Прощай сынок,
Прощай девица
Вас жизни горечь стережёт, а нас земляница».
Тут старух померкли силуэты
Только скрип, только треск,
Только шелест слышен где-то,
А в догонки из окошка
Им старик грозился ложкой.
Ему немножко помешали,
Когда старухи причитали.

Старик:

«Я здесь глядел Декамерона
При помощи Брокгауза и Эфрона
Его тома познаниям помогают»
Старик сказал стекло превозмогая
«И мир встаёт стаканом
С чистой водой
Без лжи и без обмана
В приятной ясности морской
Мне данный путь указан Богом
Он здесь живёт в четвёртом этаже
С четвёртого двора ведёт к нему дорога,
Туда пора уже
Скорей летите птичкою крылатой
В его небесные палаты.

Она:

Как свету много
Он теплом богат.
Под нашими ступнями
Общая дорога
В прозрачный мир
В необъяснимый сад
Нас ожидает жизни сладкий мир
Смотри там детство водит
хороводы
Там смиренных ангелов шагают

Взводы
Они забвенья прошлому несут
Судьбе проклятой справедливый
Суд
Души терзаниям поверь
Прожитых дней кошмар
На мостовой я нынче обронила...
Скажи, ты веришь?

Он:

О, как твой голос мил
Когда ты неизвестное очами меришь
А если б прошлого лохматый зверь
Тебя за талию схватил?

Она:

Я в луже дождевой
его бы тут же утопила.

Он:

В твоих глазах я подтвержденье наблюдаю...

Она:

Что со мной?
Окружность сердца тает!
Да, да! – теперь ты мой!
Хороший! Милый!
От счастья я бы зарыдала
Но тушь с ресницы в глаз попала.

По грязной лестнице, в пыли
Они взобрались как могли,
Дворовый аромат вдыхая,
Скользнули швабры у дверей,
Кухарки с кошками, но вот
Артём невесте руку жмёт,
Виденье перед ним сверкает.
Пренебрегая высотой,
С отцовским зонтиком подмышкой
Спускался ангел молодой
Дремать в Таврическом саду
Над хирургической книжкой,
Движеньем тих, манерой прост,
Его был невысоким рост,
А выражение лица

Напоминало мертвеца,
«Приятный вид, хотя и без усов,
Сказала Софья, притаив улыбку,
Но тела моего засов
Не отворить с его фигурой зыбкой».

Ангел:

Ну, город, ну, столица
Украли наш дверной звоночек
Здесь ходят подозрительные лица
Впотьмах осенних ночек.

Софья:

Смотри, он воспитаньем не богат
Так только филины ворчат
Когда их дразнят лешаки

Артём:

И ушаки с холодными рогами
В лесах бездумном жития.
Подняв с поклоном канатъе
Обидных выражений будто не заметя
Им ангел тихими словами отвечал.

Ангел:

Как много ласки в буквах этих
Париж – начало всех начал.
Вам неурейства здешние ругая
Скажу – в Париже жизнь совсем другая
Без мелких краж некчемного позора
Без драк мастеровых на пасмурном углу
Но с малой стойкостью девичьих взоров
Теорий покоривших мглу
Свирепого Фурье и Сенсимона.
Теперь по летнему горячие лучи
Ещё ложатся вкось
На вежливых бульваров золотую осень
Ещё торговцы ананасами кричат
Упорные продолговатые слова
И нежностью душистою полей
Ещё влекут газонов точные просторы
Что может сердцу быть милей
Когда мороз порхает у дверей
И снежный день настигнет скоро
В пыли проспектов звонкие кафе,

Детей в песчаном окруженье,
Мюсье с апсентом на устах,
Художников под грузными зонтами
Чьи мысли на холстах ютятся
Земную сложность отражая вкратце
Неукротимыми кистями
Пять лет в Париже я прожил
Ночами с Мистингет дружил
Ветвистый Пикассо меня изображал неоднократно
Рисунком точным и приятным
Пронзительной своей рукой
Чтоб ясность моего лица
В его кубических твореньях
Правдивую пылала красотой.

Софья:

Ах!
В крови горенье
И желтизна в глазах
Дрожит мой шаг
Над каменной ступенью.

Ангел:

Скажу вам так —
В Париже глупое житейское блаженство,
А здесь в четвёртом этаже,
Туда пора уже,
Постигнете вы совершенство
И неземную благодать.

Сказал, откланялся и ночи нарушая гладь
В маршах растворился лестниц.
Так в петербургских тучах неизменных
Неверный исчезает месяц
Частями и попеременно.

Пропахший плесенью коридор
Вот он —
под гулом крыши.
Незвучных капель хор
И звон...
По мокрым половицам пробежали озабоченные мыши
Бадья стояла с дождевой водой
Немного крыша протекала беспрерывною струёй
Над головой продольных сводов дуновенье
В простенках низких
Из гипса разнообразные растенья

А выше пустота и чернота...

Артём:

Твоей руки прикосновение
И трепет кружев близких
Мне доставляет радость
Омоложение чувств и тела
В моей крови проснётся младость
Когда бы ты романс пропела.

Софья *напевает*:

У него над правым глазом
Прядь душистая волос
Чуть повыше подбородка
Древней формы римский нос
С такой приятностью манер
В целом околodge
Мне не припомнить кавалера.

удивлённо:

Отчего ты изменился?
Почему похолодел?

Артём:

Очевидно простудился
Вот мой старческий удел.

В смиренном небе посветлевшем
Неровный падал круг
Безбрежная бездонная луна
С недоуменным выраженьем черт
А из-за туч столичного покроя
Из за кирпичных круч
Глядел то гладкий то косматый чёрт
На смятую постель,
Где распростёрлись двое
И три рубля шуршали на столе.

<Ташкент 1943>

Обманутые надежды

Историческая повесть стихами и прозой

Ты снова спрашиваешь: Почему
Создания милые как на картинке
Развиться не имеют в мыслях?
И почему у девы тощего сложенья
Гуляет взор по окружающим предметам
В жеманных поисках фигур мужского рода?
А мужичок усат и бородат.
Парит в надгробной вышине
Богов разглядывая очертанья
Через подзорный аппарат.
Ты говоришь с волнением понятным:
В распределеньях чувств и мыслей нет порядка!
Но любознательность опасна
Когда ответ словами не оформлен.
Мой друг! Послушай презабавный случай
Я расскажу тебе сегодня,
В бесцельной пустоте подвала
Где пиво пенится пленительно наверх
И скрипок звон рождается в медлительном пространстве.

Действующие лица

Софья – девушка-подросток
Петров – отставной солдат
Старик из полосатой будки
Старухи-шарманщицы
Человек с неуклюжим ухом; он же – вошедший;
он же – провожатый
Пёстрой шерсти собачёнка
Иван Говрилыч – бог
Васютка – ангел
Постояльцы – не то люди, не то звери.
Милиционер
Упоминаются:
Моне, Пикассо – художники
Кокто – писатель
Мистингет – певица
Сковорода – философ

Место действия – Ленинград и ленинградское небо.
Время действия – неопределённое.

Глава первая: справедливые искания

Была случайна встреча их
На невском у садовой
Из ярых рук не зная чьих
Она пришла в гаржетке новой.
Я жить хочу сначала!
Вечерний шум она перекричала.
В ответ Петров кружился
Прохожих задевал
Сегодня я женился, —
Он в небо мокрое сказал.
Довольно плясок и мученья
Довольно зла на перекрёстке
Нам нужен курс души леченья
Мне и девушке подростку.
Тогда из подворотни вышли две старухи
Их внешний вид был длинный, длинный...
В потьмах скрипели их сухие руки —
Они шарманку медленно вертели
И под шарманку с выраженным долгим
Псалмы раздробленные пели.

Песня старух
(первый опыт псалма)

Ох, вам и горько,
Ох, и трудно
По жёсткой улице ступать,
Над сединой волос тут фонарей мерцанье,
Но нету света в мокрой вышине,
Но нету света в мокрой вышине.
Уж лучше травки нюхать в поле,
Они дождя приняли запах —
Благоухание болот,
Благоухание болот.
Брусники скромную печаль
Познать в уединеньи рта,
А сучьев трепетных изгибы
Приблизить к профилю лица;
Приблизить – и уснуть, уснуть...
В глуши дремучих пней,
В тиши кустов дремучих.
Глядите вспять,
Глядите вширь,
Глядите пёстрым взглядом
Туда, где детство бродит между кочек

С плетёною кошёлкой у локтя.
Там форм спокойствие,
Там сельский шопот
Коровьих дум напоминает древность
И вдохновенье шапки на мосту,
И нежность рыбки под мостом.

Дотянув последнюю дробную, самую громкую долгую ноту, старухи приблизились к трепетавшим влюблённым и заговорили с таким подходом, будто были самыми обыкновенными колпинскими старухами.

Мужик Петров с душою неудачной
Ах, девка-девица – прозрачные глаза
В осенний день невзрачный и сырой
Когда ветры адмиралтейский шпиль качают
И туч обледенелых бьётся рой
Каких забот житейская гроза
Вас за углом тогда подстерегает?
Надежд безжалостный туман,
А может быть испуг бесформеннее воска
А может быть отравы уличный дурман
Корысти направляя лук
Стрелой бесстыдства целя в мозг.
Нет спасения тогда для вас!
Шелестел старух нечистый бас.
Кто с нами, ну ка?
Мы в шинок, —
Вот естества наука!
Прощай, сынок!
Прощай, сестрица!
Вас горечь жизни стережёт,
Нас – земляца.
Тут старух померкли силуэты,
Только скрип, только треск,
Только шелест слышен где-то.
А в догонку из окошка
Старик грозил сторожевой
Ржавой ложкой, бесцветною рукой.
Ему немножко помешали,
Когда старухи причитали.
Я здесь глядел Декамерона
При помощи Брокгауза и Эфрона,
Его тома познаниям помогают,
Старик сказал, стекло невозможая.
И вот, просторный мир встаёт
Стаканом с чистою водой
Без лжи и без обмана
В зеркальной ясности морской
Мне данный путь указан богом,

Он тут живёт —
В четвёртом этаже,
С четвёртого двора ведёт к нему дорога,
К нему пора уже.
Скорей летите птичкою пернатой
В его промокшие палаты.

Он (*держа Софью за руку, ступая по дворовой слякоти, натываясь впотьмах на что попало*):

Как свету много,
Он теплом богат.
Под нашими ступнями общая дорога
В просторный мир, прямоугольный сад,
Многоголосый мир, просторный сад.

Она:

Нас ожидает жизни славный мир
С богатым угашением à la carte
Забудем ветхое шептанье
Над мостовою мерзкий шар
Увядших глаз прощальный жар

Старухи бледной предсказанья
Прожитых дней кошмар
Я на панели обранила.
Терзаниям моим поверь!
Скажи, ты веришь?

Он:

О, как твой голос мил,
Когда ты неизбежное рассудком меришь.
А если б прошлого мохнатый зверь тебя за талию схватил?

Она:

Я в луже дождевой его бы тотчас утопила.

Он:

Мой взор в глазах твоих читает
Сознанья проблеск утвердительный оттенок.

Она:

Тревоги сладость тает, тает,
Как в ресторациях пломбир клубничный,

В промежности моих коленок.

(в сторону)

Он верно послан сновиденьем
Под воробьёв столичных пенё.
От счастья я бы зарыдала,
Но случай злой —
Мне тушь с ресницы в глаз попала.

Прозрачней майских утр
Ему тот вечер показался.
Измокший дом, уплывший над землёй,
Ему навстречу улыбался.

Глава вторая: знакомство в темноте

Она:

В промежности моих коленок
Тревоги боль и сладость тает
Как в ресторации пломбир клубничный
Мужчинам это слушать неприлично.

Он:

Верно...
По грязной лестнице, в пыли
Они взобрались как могли,
Дворовый аромат вдыхая.
Скользнули кошки у дверей,
Кухарки с плошками, но вот
Петров невесте руку жмёт —
Виденье перед ним сверкает.
Пренебрегая темнотой
С отцовским зонтиком под мышкой
Спускался ангел молодой
Дремать в Таврическом саду
Над хирургической книжкой,
Сомнений возвращивая рассаду,
Движеньем тих, повадкой прост,
Его был невысоким рост,
А выражение лица напоминало подлеца.

Приятный вид, хотя и без усов, —
Сказала Софья притаив улыбку,
Но тела моего засов
Не отворить с его фигурой зыбкой.

Ангел:

Ну, город, ну, столица!
Украли наш дверной звоночек.
Тут ходят подозрительные лица
В потьмах осенних ночек.

Софья:

Смотри – он воспитаньем не богат,
Так половые в полпивных ворчат,
Когда их дразнят мужики!

Петров:

И лешаки в лесах вздымая лапы...

Обидных выражений будто не замеча
С поклоном поднимая шляпу
Им ангел кроткими словами отвечал.

Ангел:

Как много ласки в буквах этих:
Париж – начало всех начал.
Вам неурейства здешние ругая,
Скажу, в Парижах жизнь совсем другая.
Без мелких краж – никчёмного позора,
Без драк мастеровых на пасмурном углу,
Но с милым росчерком девичьих взоров
Теорий покаривших мглу
Упрямого Фурье и Сенсимона.
Теперь по-летнему горячие лучи
Ещё ложатся вкось
На вежливых бульваров голубую осень,
Ещё торговец ананасами кричит
Упругие, продолговатые слова.
И свежестью душистою полей
Ещё влекут газонов точные просторы,
Прощай же лета полнота и краснота
Столбы несметных голубей
Зимы приметная черта
Но сердцу русскому милей,
Когда мороз порхает у дверей
Тот снежный час настигнет скоро
В пыли проспектов звонкие кофейни
Фиакров тень в печальном окруженьи
Детей с апсентом на устах

Мане брадатых под зонтами
Чьи мысли на холстах ютятся
Земную сложность отражая вкратце
Неукротимыми кистями.
Ура зиме! Поре родной печали...
Которую бездомным черти накачали.
Пять лет в Париже я прожил,
Ночами с Мистингет дружил
Ветвистый Пикассо меня изображал неоднократно
Рисунком точным и опрятным
Пронзительной своей рукой
Чтоб прелесть моего лица
В его кубических твореньях
Правдивую пылала красотой.

Софья:

Ах, в крови гаренье
И желтизна в глазах
Дрожит мой шаг над каменной ступенью.
И пти занфан в песчаном окруженьи
Кокто с апсентом на устах
Моне брадатых под зонтами.

Ангел:

Скажу вам так:
В Париже наблюдается блаженство.
А здесь, в четвёртом этаже,
Туда пора уже,
Постигнете вы совершенство,
Простую млаго
 влаго
 благо
 дать...
И неземную благодать.

Сказал, откланялся
И тоги нарушая гладь
В маршах растворился лестниц.
Так в петербургских тучах неизменных
Неверный исчезает месяц,
Частями и попеременно.

Петров (*на ходу обнимая Софью*):

Воображаю, ах!
Вид ангела размятого в кубах.
О, декаденские произведения!

В них бочка дёгтя заключает ложечку варенья.

И смеялся он притом
Перевернутым лицом
Непобритыми щеками
Длань прижав к её груди
За ступенькою ступеньку
Оставляя позади.

Глава третья: обыкновенное начало

Прихожая была невелика
В тених блуждающих по стенкам
Свеча мерцающая таяла в углу,
Старинный маятник в потёмках тренкал
И пахло сыростью слегка
Как на болотистом углу.
Здесь благодравия опасная черта
Заклучена под гулом крыши
А ниже – пустота и чернота.
По мокрым половицам пробегали озабоченные мыши,
Бадья стояла с дождевой водой, —
Немного крыша протекала непрерывною струёй.
Они вошли сюда несмелые
Став с расстройства белыми.
Плечо к плечу устав прижали
Среди прихожей робко встав.
Под близким облаком дуновеньем
Уста его негромкие шептали.

Петров:

Твоей руки прикосновенье
И трепет кружев близких
Мне обещает бодрость
Омоложенье чувств и тела
В моей крови проснётся твёрдость
Когда б ты в ожидании романс пропела.

Софья:
напевает

Над его лукавым взором
Прядь красивеньких волос
Чуть повыше подбородка
Древней формы римский нос
С такой приятностью манер

В целом околodge мне не припомнить кавалера.

удивлённо:

Отчего ты изменился,
Почему похолодел?

Петров:

Я немножко простудился, —
Вот мой старческий удел.

Но мыслей грустных не желая тискать,
Он взором стал по стенкам рыскать.
Мазков и линий сочетанье увидав
В позолочённой раме,
Вскричал, на цыпочки привстав —
В каких созвездьях я,
В каком дурацком храме?!

Софья:

рассудительно

Картинка ничего, она
По моде новой создана:
Кубов собранье искажает лес,
Среди кустов – собранье бесов
И девок тоненькие чресла,
Среди ветвей – глаза прямоугольной формы,
Привычное несоблюденье нормы.
Знакомый взор... Знакомый взор...
Ресниц мучительный узор...
Кого мне предвещает он,
Мой неразгаданный красивенький Филон!

Петров:

Скорее замолчи
Ты предстаёшь как диссонанс
В священном шелесте свечи.
Удачный шанс для квартирантов ада,
Твоим речам там будут рады!
За дверью слышишь шум шагов?
Долой житейские сомненья,
Спадает звон земных оков,
Минута близится преображенья.
Уйми свои смешные жесты.
В дырявых сапогах,
В протёртых галифе

Я тоже, кажется, выгляжу не к месту...

В дверях показался лысый человек с толстым носом и неуклюжим ухом.

Вошедший:

Сегодня не было моления
И я немного под шафе.

Софья:

Какое странное явление...

Петров:

Хоть он в старинном сюртуке,
В руке с ломтём гавядины
Взгляд его неистов
Он верно был кавалеристом
Главы сшибая гадинам.

Вошедший:

Кто вас прислал сюда, малютки?

Петров:

Один старик из полосатой будки.

Вошедший:

Старик всегда был исполнителен и точен,
К нам постояльцев приглашая каждой ночью.

Вдруг вбегает пёстрая собачёнка, остановилась – в Петрова вглядывается.

Софья:

Ай, ай!..

Петров:

Зато я, как положено отставному солдату, – совершенно не боюсь собак. Но, вот, почему-то, при виде этой пёстрой весь холодею...

Дрожит заметной дрожью.

Вошедший:

Глупости какие!
Не бойтесь пёсика
Имеет хмурый вид
Но даже лаять не желает
Лишь почтальонов снисходительно кусая
Униженно скулит
В надежде раздобыть награду.

(бросая собачёнке говядину)

Бери mon cher!
Моё решенье —
Входите, будем рады!

Софья:

Так началось моё преображенье...

Вошедший *(покашливая)*:

Теперь, чкхы, чхы – я буду вам провожатый.
За мной, за мной!
Allons enfants!
Allons бум-бум!

Глава четвёртая: в гостях у бога

У стен, взлетевших к потолку,
Обоями украшенных цветочками
Сидел бесспорный человек
Колючею бородкой вверх.
Сидел безмолвный, величавый,
Кругом в лохматых волосах,
С ясной рюмочкой, бездонной, —
Ноги плети разбросав.
Кто эти, которые там стоят? —
Как будто невзначай спросил.
Ночлежники пришли – душою дети,
Надежды фантики тая, —
Провожатого послышался ответ.
Отвали ему на чай!
Петрова провожатый попросил.
Разумный тот приняв совет,
Петров сыскал копеек двадцать,
Да Софья из чулка рублей дала пятнадцать.
Тут лохматый господин
Став лицом, став грудью красный,

Закружился, завертелся,
Верно был простолюдин
Поведением ужасный.
Бородёнкою, что мельницею машет,
А руками-кренделями тычет в бок.
Мне, говорит, становится прекрасно,
Примите уваженье наше
От страдающего телом —
От бога!
Он питается голодной корочкой,
Познания храня на полочке.
Ой, светики, ох, горюшко!
Скажите делом —
Кто своровал очёчки?
Я наблюдать мечтаю
Пухленькие ручки
Они василёчки
Волосочков стаю...
В животе моём томленьё,
Плоть кудрявая в смятеньё.
Ах, какая рыженькая вишня!

Софья:

Не ждала такого я преображенья...

Провожатый:

Сегодня мы хватили лишнего.

Петров:

Простите, сударь,
Мы с невестой —
Пепел труб, вагранок гарь,
Обожжённые судьбою
Подыскать решили место
В светлой сакле над землёй
И взошли к вам преклонённые,
В галках-мыслях просветлённые,
И трепещем как листва
В ожиданьи божества.

Лохматый господин:

Ты обмишулился, любезник мой,
Напрасен твой приятный слог,
В своём величии румянном
Я сам перед тобой —

Степан Гаврилыч Бог,
Судьбы залечивающий раны.

Провожатый:

Приходят, понимаешь, люди
С душой простёртой как на блюде,
А их встречает поведение,
Достойное сожаленья.
Ты хорошо схватил на чай,
Теперь без лишних промедлений
Вали, Гаврилыч, начинай!

Бог:

Сквозь грязь белья
и кости лбов
Я вижу их насквозь.
С предельностью такой
Клопа я наблюдал в диване
Хитросплетения его несвязных мыслей постигал,
А в час другой
Наглядностью неменьший
В кармане блох бездомных настигал.
Их обольстительный рассказ
Смерял рассудка стройные лады
Лагарифмического склада
И ощущений тучные сады
Беспечно верующих стаду
Вручал
Кафельницей клубя.
А вам для нашего начала
Скажу немного, но любя...

Петров:

Довольствуемся малым
И притаённо слушаем тебя.

Бог:

Гвы ять кыхал абак.

Петров:

Чегой-го?

Бог:

Гвы ять кыхал
Абак амел имею
Уразумел?

Петров:

Прости. Не разумею.

Бог:

Эх, неученость. Мрак.
Начнём с другого бока
Абак амел
Кыхал гвыять
Имею.

Петров:

Не ухватить и не понять.

Бог:

Имею
Иметь
Имеешь
Осьмушками, осьмушками!
Ну, разумеешь?

Петров:

Осьмушками – гвы ять кыхал?
Не А, не Бе – то звук иной
Шершавый тощий и больной.

Бог:

Но-хал.

Софья:

Петров, он не в себе!

Бог:

Простите, сударь
Вы с невестой
Дрянь земли, утробы гарь
Жизни тухлые помои
Обрести хотите место —

Неразумные вы твари
В светлой сакле над землёю!
А стоите над трясиной
Развеваясь как осины.
Всё. Теперь со злости
Я вам переломаю кости
В зловонный зад вгоню свечу,
И чрева гниль разворочу!

(Он с воплем сорвал тряпицу, за которой была скрыта другая комната)

Прочь! Прочь!
Там досидите ночь
Авось найдётся место
Тебе балде с твоей невестой

Мокрицы
Прелые онучи!
Умалишённых испражненья!
Блевотина индюшек!
К башкирам упеку!
Дубьё – еловый тын,
В Баштым!
В Уфу!
Не знаю, что ещё сказать...
ТЬфу!
Ать, два – и он показал им голый живот
со всеми последствиями.

Они стояли без движений,
Глядели косо врозь...
А между тем в дверях
Промокший ангел вырос
У ног его кольцом свивался
Трёхцветный пёс
Тот самый Бум
Взор ангела смеялся
Под влияньем нехороших дум

Бог:

Где шляешься бездельник?
А вы – идите, идите.
А то я возьму да прямо в вас и плюну.
И будет неприятно
Неопрятно,
Некультурно...
И будет превеликий грех!

(За его спиной раздался лёгкий смех.)

Глава пятая: постояльцы

Свят, свят, что это была за комната, куда они теперь попали, и находилась она не в Санкт-Петербурге, а где-то на Площадной улице в Туле с видом из окна на пустынную базарную площадь. Свят, свят и что только в этой комнате творилось, куда они теперь попали.

На низеньких палатах
На жёстких одеяльцах
В убогой атмосфере
Валялись постояльцы
Не то люди, не то звери.
Куда же встать,
Куда присесть им,
Чтоб сердца успокоить стук?
И как синички на насесте
Взобравшись на сундук
Они делили крошки из кармана,
Делили нежность рук и ног.
Пожелтевшие странички
Из далёкого романа
Напоминал их уголок...
Бедные птички!
Ещё дремота не успела
Их обступить со всех сторон
Ещё солдатка злобно пела
Изображая временами
То слабый вздох, то жалкий стон;
Ещё тянул на флейте ноту
Горбун, качая сединой
И голосил молитву кто-то
Клюкою тыча в потолок,
Когда сквозняк прохладным духом
В их нежный угол приволок
Господина с неуклюжим ухом.

Ночной миракль из Мо-хо-го

итак подвал... отнюдь не тот...

я там бывал

Зачем, зачем, – меня вы спросите

лето 1914 года

Велимир Хлебников

Разумный друг
безумный вдруг
с перстом разутым
и воздетым.
Тот подбрит
подмыт,
завит
Ты, только ты – убит,
гурьбой задетый.
Землёй умытый в плеснь,
золой размытый весь
разведай лень и стук
закрытый в чреве ум,
озёр бесправный звук
Невы моей
недобрый шум
Ты, только ты
вспоминальник добрых тлей
червей святых.
Он зябь светил.
Репей пожал
полями ведая,
в полдневной высоте
в семье хромых обедая.
Потом цветы сажал,
в жестокой тесноте
земных сестёр преследовал.
Ты, поминальник прежних дней
война тебе:
указ лабозника
в ура – тюбе.
Был праздник нежных палачей
с приглядкой гневных опачей
украдкой скованных
по виду ломанных.
А пляс плели земли рвачи,
а треск вздымали опачи.
Надгробный склон,
плачь горьких дыб.

Был праздник:
свист и лязг
и всплеск...
Но кто же он
рассказник,
кто он доказник мнимых чисел?
Я тридцать раз присел
у сёл.
Семнадцать раз он землю чистил.
Я двадцать раз входил в подвал.
Двенадцать раз его бедро мерцало,
то бряцало.
Он находил земли раздел,
горы предел,
объёма вал
без глаз в затылке тенью пал...
Там за Невой, иль в глубине зеркала
варяги завершали бой.
Пятнадцать раз хозяин пылкий
он измерял равнин вершины,
а на десятый пал
на пол,
поверженный аршином.
У нас не то,
у вас не так,
волнуйся в такт пустынной катке.
Там волны бьются гладки,
тут чайки вьются
телом гадким.
И снова, снова
влечёт их блеск,
твой отблеск, словно
рыб обвиняешь всплеском полным.
О, сколько тайных лет,
зверей калек
мучительных дверей
в обратное пространство,
о, сколько мух
и сколько мук

Далее: ПРИБЛИЖЕНИЕ НАЧАЛА

над крышами и бездонными провалами печных труб, вознесённых в сумеречную пустоту
Петербурха...

где связь литавр,
где чернь и грязь,
но в блеске Невский —
ещь сым су лью

и стур и стра
здесь невских струй
леса,
лис вредных струн
стры сву
сры щук
щи шу – щи шу...

Далее: СБОРНИК СВЕДЕНИЙ

для каждого, кому предстоит подняться на продуваемый ветрами раус, чтобы сообщить про ночной миракль, играемый на глубине восьми сажений, каждую неделю с пятницы на четверг.

Случайным прохожим представляется удобный случай сбежать в подвал по кривым ступеням. Недостающие, то ли восемь, то ли пять, предусмотрительно заменены холстиной, соломой, разной всячиной.

А внизу, у столов распоряжаются проворные молодцы с узкими, словно птицы, головами в аккуратно залатанных мундирах, красиво стоптанных штиблетах. Прихрамывая, эти давно постаревшие старообрядцы вежливо обзывают пришедших боярами, угощая каждого, разумеется, за наличные, кого маринованными бубликами, кого бочковым саланским пивом, хотя, говоря правду, бояр привлекает постная еда, например, копчёная крапива, отборные макокаки, другие предметы полезного назначения.

Далее: НЕОБХОДИМОЕ ПРОДОЛЖЕНИЕ

Ты, только ты,
заклятый друг,
боярин в бороде помятой,
спешь в наш круг
нечётной даты
простёртых плеч
немытых рук.
Пора-пора
блестит «ура!»
пришельцев ста
на выпуклых устах.
За кружкой сесть
с гуляной есть
присесть на печь
над бочкой лечь
разинув рта стремительный овал.
Салан испить
в безмолвном хоре,
сойдя в подвал – к семейной своре.
И он спешил,
кружил впотьмах,
забыв собачек на лужках
иль на ветвях
с бареткой полой,

во рту мелькая кружкой полной
вместившей отражение свечи.
во тьме лечить,
распадётся тайн квадратный рой
и аналой в сплошной азон,
подземный чад,
где скрипок звон —
звук барабана, взятый наугад,
в немедленном убранстве
заполнит зал
без света постоянства,
а голоса гремучих зазывал
свой крик, свой хрип, иль скрип,
усталый «ух!»
закончат разом, в закоулке уха.
В твоём глазу удобно молодом,
в твоём зрачке убого голубом
как в омуте утраченной воды
желанной небольшой сковороды.

Запомни, запомни
в дневных тенях пропавший случай
за Невкой полной
Пряжкой кволою
в пляске женихов
с модисткой голой.
За гранью маяков,
за бранью моряков
в тоске упавших...
Запомни-запомни
давно пропавший случай
в дымах, ветрах,
в полночной тишине
и пустоте вогнутой
для всех и для тебя замкнутой.

Далее: ПЕРЕЧЕНЬ

столпившихся на помосте под глиняными личинами.

Произносит тончайший, хотя и хриплый женский голосок, сопровождаемый всевозможными вздохами, ударами подошв, грустной песней подвешенного за хвост животного, кошки, собачёнки, кто окажется.

Примечание: в ближайшем перерыве
несчастное животное следует вознаградить
мясом, хотя бы рыбой.

Ни один из бояр, от которых в подвале трудно продохнуть (кроме, конечно, пана Кубельчика, дышавшего легко, для остальных приятно), ну, решительно ни один не ожидал услышать

эти бабьи звуки, напоминающие контрабас, возникшие среди общего гомона, когда некоторые жадно ухватывали поданную снедь, другие же шумно высказывались, вроде того:

– А каков нынче урожай струевы?

– А умён ли философ Бердяев?

Или того хуже:

– А сколько от нас вёрст разместился господь Бог, да и велик ли он ростом?

Тем временем подобный контрабасу голосок задушевно произносил:

– Моряк Петров, ныне лодочник, композитор Вагнер и его сын переросток, зы-гзи-зу, она же Пинега, невеста Петрова, старухи-шарманщицы, барабанщицы, затем усопшие, грубый сторож, лысый господин с неуклюжей переносицей. Случайный встречный, трёхцветный булленбейсер, Иван Гаврилыч Бог, Ангел-Путешественник. Палка о трёх концах со звуком фа. Потом Пуришкевич. Потом Милиционер Слёзкина. Потом апостолы с перьями вместо ушей. И прочие лица для представления менее значительные, к примеру: Шоун Бенбойхало. Даже странно, человек работает, кем? Электриком, а имя вроде клички.

Далее: БОЯР, ЭЛЕКТРИК И Я

– Три пуда чертей! Мы же чуть-чуть не упустили главного. Прислушайтесь, дважды звякнул колокольчик и таким тонким звуком, будто вы оказались наедине с придорожной былинкой.

Уже в полутьме ковыляют сухобокие подавальщики с коржиками, макоками, с чем попало.

Перестают бушевать шары наподобие человеческих голов, на деках – смычки, наподобие жердей.

Каждый ждёт чудо. Пусть крохотное, некрасивое. Не всё ли равно.

Занавеска раздвигается, и перед гостями предстаёт самое непредвиденное, словом, на помосте ничего не показывается, почти ничего: только ржавая рогожа с намалёванным овалом колеса, дымная лампадка на детских качелях и сам – я, в ночных шлёпанцах и заношенном фраке.

Я рассматриваю лысеющие подбородки и негромко мечтаю: хоть бы раз наши гости, наши бояре, оголили внутренности, хоть бы раз пролепетали:

– Думаете, я рыбак? Кто же тогда – солак или судак?

– А я, думаете, судомойка?

– Ошибаетесь, сударь. У меня бабочки вместо затылка. Я, сударь, кафедральный собор.

– А я, представьте, марганцовка.

– Да, да, – спохватывается моё сознание. Совершенно ясно: как же я сам не догадался прежде. У меня самого кузнечики вместо бёдер, и мой затылок тоже ушёл. И нет его со вчерашнего обеда.

Почему же вы молчите, уважаемые гости? Вместо ответа что-то скрипит, наверное, табуретка, во всяком случае у самого входа. Мне и смотреть не нужно. Я и так знаю, кто там сидит. Сначала удобно развалился, а теперь притворяется, будто на табуретке никого и нет, но я всегда знал: на табуретке тот, который делает вид, что по долгу службы выполняет чужие намерения.

А теперь снова прислушайтесь: он ждёт и булькает.

Рядом со мной ныряет на качелях огонёк вниз-вверх. А из угла от самых дверей доносится:

– Игн буль куль кль кль, – и вдруг – шоун бен бойк игн буль куль ч. ч.

– Вот сами себя и выдали, ваше степенство! А почему под лестницей лампочка вывернута?

Всё же Кубельчик был и остаётся моим лучшим другом, а там на скамейке, у входа, совсем другой. Он оползень, и меня не перестают бороздить его неопрятные бесцельные выходки.

Именно так и будет, пока вокруг подвала не забрезжит бесцветный питерский день... Позвольте, мне же не дают договорить!..

– Эй вы, гости! Распахните глаза, откройте уши! Трижды отзвонил колокольчик. И смотрите, что теперь происходит? Те, которые напялили глиняные маски, а иные, ну чёрт знает что! Окружили меня, выталкивают в самую глубину рогожи.

– Прочь, прочь! Я же ваш наставник сердце дыхание! Боле того: слепая кишка.

Нет, личины не унимаются, продолжают, почти вдохновенно, заталкивать меня, ни в чём не повинного. Словом, намерение глупцов.

Что вы, окаянные, делаете? Хотите превратить человеческое вещество в неестественную для человеческих органов желейность? Опомнитесь!

Тогда я поднимаю руки. Воздействовать неукротимой силой искусства. Другого не остаётся. И я начинаю:

Лети кут лети кон
Леми он леми куп
Кити кут кити кун
Куп...

Смотрите на того, который Петров, которая Пинега? Палка о трёх концах, булленбейсер? Каждый и каждое, что на помосте, становится певучим, мечтательным. Никто не устоял. Сами убедитесь: я на свободе!

Ой, ой... вы, конечно, услышали? Откуда взялся этот безобразный, можно даже сказать, мучительный:

– Хряв! – перешедший в жав?

И кто бы мог подумать, что единственным виновником оказался тоже – он. Воспользовался темнотой и ткнулся мордой прямо в маринованные онучи. Стыд и позор, другого не скажешь!

– Пан Кубельчик, ну, пан Кубельчик, вы же недопустимо громко задремали. Может быть, ваше поведение и естественно, но в то же время совершенно недопустимо.

Могу пояснить: его возраст за девяносто, до некоторой степени извиняющее обстоятельство, тем более, что пел с присвистом совсем не пан и уж, конечно, не Кубельчик, которому не исполнилось и тридцати с небольшим.

Скажите, почему этот, вроде кильки, измождённый человек снова и снова оказывается на моём языке. Хотя, вот крест, я до сих пор толком не знаю, во всяком случае главного, о чём давно спорят биологи, даже нейрохирурги: в каком году скончался вельможный Кубельчик – в 1875-ом или в 1876-ом, високосном? И ещё, ну сами взгляните, зачем этот самый пан Кубельчик прополз между столами и теперь... Да посмотрите же! Заглатывает чужую, ему не принадлежащую, саланскую влагу и, задыхаясь, карабкается ко мне на помост?

Теперь о другом.

– Эй вы, Бенбойкало, недостойный стряпчий! Долго ли вы намерены строить, как это говорится, калеокады? (что издавна означало притворство). Конечно, молчит... А я снова, со всей строгостью, спрашиваю: куда делась электрическая лампочка? Если украли, достаньте свечи, нет свечей, принесите хотя бы несколько французских булок.

– Уважаемые гости! Не извольте вскидывать одервенелые конечности. Ещё минута, полминуты, всё уладится и миракль начнётся. Пьеса, осенённая крестом, омытая пивной жижей, очень важная, даже необходимая в склепе с вашими юными останками.

Далее: ПЕРВЫЕ РАДОСТИ

Была продольной встреча их
по Невскому к Садовой
из трёх дверей не зная чьих
она пришла с кушеткой новой.

Там – на углу двух улиц эти двое: зи-зу Пинега с лодочником Петровым и повстречались.

Он: Красивенькая! Ты куда?

Она: Вот туда.

Он: А я сюда.

Она: А я отсюда.

Он: Значит по пути.

Она: Гляди, плешь седая и щёки, а туда же.

Он: Это куда туда же? В общем, договаривай.

Она: Могу и показать. Хоть при людях, хоть без всех.

Он: Беда, детка, пенсны в кубрике оставил.

Она: А подзорную трубу не хочешь, валенок стоптанный?

Он: Видали сковородку? Другие похуже меня встретят и не шипят.

Она: А сам плоше себя встречал ли?

Он: Вот и ныне на Невском.

Она: Надо же. Не иначе Федьку шмарыгу. А может Любку горбатую?

Он: В зеркальце поглядишь. Разберёшься.

Она (*подробно себя рассматривает*): И то верно. Недоумок я, недоделок... (*протягивает подбежавшему псу, трёхцветному булленбейсеру кусок битой бутылки*) На! (*ужасно кричит*) Уходи, уходи! (*нечаянно вываливает из сумки мелкую салаку, запихивает обратно*) Ой, ой! (*снова роняет, снова запихивает*) Ненавижу продателей этих шкур! (*почти рыдает*) И вас, морских лодочников!

Он: А я лохматых псов, вроде, уважаю. Так и знай.

Она: А повадки, которые у трёхлапых, знаешь? Ну и молчи. (*вдруг птичьим голосом*) Ко гу-гу! (*спохватывается, бьёт себя по щекам. Снова роняет сумку*) Маманя, я же ненормальная.

Он: Ладно, поправим. (*поднимая сумку*) Пардоне сильва плес. А могим и по англицки: мамзелце мозанбикус, ещё сковородице!

Она (*поспешно роется*): Так и есть. Там же для кошечки салакочки... Где же они? (*неожиданно роняет сумку*)

Он (*поднимает. С изысканной вежливостью*): Вот-с, мокерлоз вацерлоз...

Она (*открывая сумку*): Кажись там. Самым моим прехорошеньким. Понял?

Он: Как не понять. Плохня ты. Совсем плохая... Всё равно поправим.

Она: Поправим-поправим! Хоть ты по англицкому, хоть по всякому знаешь, где уж тебе... на гляди!.. (*сует в лицо Петрову зеркальце*) Гляди, гляди: лоб конопатый, и затылок... ой, никак сопля текут? Вон из ушей.

Он: Откуда им взяться, соплям-то? Зря наговариваешь, Феклуша.

Она: Не Феклуша я вовсе.

Он: Мы тоже не те. Ладно, если по совести, текли иной раз. Даже из глаз. Чаще из водопровода. Всякое бывало...

Она (*стучит каблучком баретка*): Не бывало! Нет, не бывал. Прежде врал и нынче.

Он: Красивенькая, не бесись и знай – когда говорю поправим, так тому и быть.

Она: Да, ну? Лично сам?

Он: Будем поправлять при помощи меня самого.

Она: Ой, даже в затылок шибануло! (*вдруг присела, завертелась волчком*)

Верь, верь верю
Теперь верю.
Ты зверь – теперверь!

(*прыгает, хлопает в ладоши*) Вот радость! Ну, радость! Матерь Божья, святая богородица, у-у-у. Описаюсь от счастья (*бежит в темноту, Петров следом за ней*)

Кто-то под глиняной маской поспешно задёргивает занавеску.

– Пардон, минуточку, скоро продолжим.

Далее: НЕОБЯЗАТЕЛЬНОЕ ДОБАВЛЕНИЕ

Проспект полнел.
Трубой гудел...
Такой плыла картина,
приказом властелина.
– Я жить хочу, волну распив сначала,
у самого причала, —
природы шум она перекричала.
В ответ Петров кружился,
прохожих задевал.
– Сегодня я женился, —
небу полноводному рыбак сказал.
К утру им было не унять утех
прятных положений,
тех уморительных движений.
– Мне, старику-молодцу
и девочке подростку,
чтоб снова разойтись,
услышав слов
невнятный слог:
кики реку!
да кук ри кок!

Все вы знаете про тот подвал незванный го-хо-го, то ли ещё как. Знаете ли, чем заполнен их кухонный чан, который на плите? А я знаю – слезами. Сам не разберусь, откуда у гостей столько жалости. Тем более ничего дурного не случилось. Сами видели. А что произойдёт дальше, никто не знает. И зачем только стараньями Господа произведено такое множество горемык? Взглянули бы на вельможного пана. Глаза у этого Кубельчика будто семафорные огни. Здесь все рыдают, кроме, конечно, Бейнбойнало. Этот постоянный притворщик убедил других, будто ушёл за булками, а сам продолжает изображать, что его никогда не было. Кого-кого, меня не проведёшь. Вот и теперь в перерыве, шуме и криках, я отчётливо слышу:

– Игн буль куль. ч.ч.

Далее: ВЕЧЕРНИЙ ПСАЛОМ

Тогда из подворотни вышли две старухи.
Их внешний вид был длинный-длинный.
В потьмах скрипели их сухие руки
Они шарманку пристально вертели
И груди тощие вздымая непосильно
(вот приманка!)
слова язвительные пели под шарманку
– Ох вам и трудно, ох и больно
Ох, и трудно
по жёсткой улице ступать.
Над сединой волос
тут фонарей мерцанье
но нету света в мокрой вышине
но нету света в мокрой вышине.

Уж лучше травки нюхать в поле
они дождя приняли запах
благоухание болот,
благоухание болот.
Брусники скромную печаль
Познать в уединеньи рта.
А сучьев скрученных изгибы
приблизить
и уснуть-уснуть
среди дремучих пней
в глуши кустов дремучих:
дней сыпучих,
фей липучих...
Смотрите в глубину полян
вооружённым взглядом
туда где детство бродит между кочек
с плетёною кошёлкой у локтя.
Там форм спокойствие,
там сельский шопот
коровьих дум напоминает трезвость
и вдохновенье шавки на мосту
и нежность рыбки под мостом.

Дотянув последнюю ноту, старухи заговорили с таким видом, будто были обыкновенные колпинские соседки в очереди за протухшей кашей.

Далее: НАПУТСТВИЕ

То дзин, то дзень,
то час речей
с ватагой римских ягерей
санкт петербургских битюгов
таков сияющий Петров
в рубахе неопрятной.
Летит как дым,
как трёхэтажный дом.
с пахмелья неприятный.
Гляди каков?
Тут гул смолкает,
тает над Невой ночной,
ветры адмиралтейский шпиль качают,
а выше туч обледенелых бьётся рой-косой...
– каких забот опасная гроза-коса,
вас за углом подстерегает?
Нет спасения для вас, —
шелестел старух негромкий бас, —
кто с нами, ну-ка – мы в шинок.
Вот естества наука,
прощай, щенок, девица-львица.

Вас грубый сторож стережёт.
Нас грубая земляца.
Тут старух померкли силуэты,
только скрип, только треск,
только шелест слышен где-то.
Их в догонку из окошка
старик разил сторожевой
ржавой ложкой, бесцветною рукой.
Ему немножко помешали,
когда старухи причитали.
– Я для себя глядел «Декамерона»
при помощи Брокгауза и Эфрона,
его тома познаниям помогают,
на вёсла мыслей делая нажим,
напоминая Фета и его режим.
Глянь, у Варшавского вокзала
витрина Френца Мана.
В ней тленья смесь – живого с неживым,
кармана весть
без честной лжи —
правдивого обмана.
Сам Френц намыленный лежит
достойный соблюдая вид,
желает он немного – тринкен.
Под утро разобью витринку.
Мне данный путь указан богом.
Бог тут живёт, в четвёртом этаже.
С четвёртого двора ведёт к нему дорога,
к нему пора уже.
Скорей летите птичкой маловатой
в его продолговатые палаты.

Далее: ПРЕДШЕСТВИЕ

Петров

(ступая по тёмной слякоти, натываясь на что попало):

Как свету много
он теплом богат.
Под нашими ступнями общая дорога.

Пинега:

Нас в жизни ожидает тысяча карат...
Ты верно послан сновидением
Под воробьёв столичных пеньё.

По шаткой лестнице, в пыли
они взобрались как могли

дворовый аромат вдыхая.
Кухарки с плошками метлой махали
распространяя пот.
Петрова взгляд Пинегу жмёт:
виденье перед ним летает.
Пренебрегая темнотой
с отцовским зонтиком под мышкой
спускался ангел молодой
дремать в Таврическом саду
над хирургической книжкой.

Движеньем тих, повадкой прост,
его был невысоким рост,
а выражение лица напоминало мертвеца.

Пинега:

Приятный вид, хотя и без усов
(Пинега прячет в башмачок улыбку)
но тела моего засов
не отворить с его фигурой зыбкой.

Ангел путешественник:

Ну, город, ну, столица,
украли наш дверной засов.
тут ходят подозрительные лица,
напоминая грязных сов.

Пинега:

Гляди, он воспитаньем не богат,
так мужики с баклашками рычат.

Петров:

Он просто банщик волосатый
набивший череп ватой
рассудок взгромоздивший на полку —
всем утвердительный урок!..

Обидных выражений будто не замечая, забросив котелок в уголок, крылатый помычал, побренчал и отвечал.

Ангел путешественник:

Вам неурейства здешние ругая,
скажу: в лесах Булонских жизнь другая.
Без мелких краж – никчёмного позора,

без драк мастеровых на пасмурном углу,
но с тихой стойкостью девичьих взоров,
теорий покоровших мглу
упрямого Фурье и Сен-Симона.
Теперь по-летнему горячие лучи
ещё ложатся вкось
на вежливых бульваров молодую осень,
ещё торговец баклажанами кричит
упругие слова...
А свежестью душистою полей
ещё влекут газонов точные просторы.
Пусть сердцу русскому милей,
когда мороз порхает у дверей.
Тот снежный час настигнет скоро
в пыли проспектов звонкие кофейни,
больных фиакров окруженье
с густым абсентом на устах,
Курбе брадатых под зонтами,
чьи мысли на холстах ютятся,
земную сложность отражая вкратце
неукротимыми кистями.
Ура! зиме, родной печали,
которую бездомным черти накачали.
Пять лет в Париже я прожил,
Ночами с Мистингет дружил,
ветвистый Пикассо изображал меня неоднократно
рисунком точным и приятным
пронзительной своей рукой,
чтоб прелесть моего лица
в его кубических твореньях
правдивою пылала красотой.

Пинега:

В крови гаренье,
и желтизна в глазах,
дрожит мой шаг над каменной ступенью.

Ангел путешественник:

Скажу вам так:
В домах парижских нет блаженства,
но здесь, в четвёртом этаже,
туда пора уже,
постигнете вы совершенство,
простую млаго, благо, влагу дать...

Сказал, откланялся
и ночи нарушая гладь

в маршах растворился лестниц.
Так в петербургских тучах неизменных
неверный исчезает месяц —
частями и попеременно...

Далее: ПРИХОД ТУДА

Петров
(на ходу обнимая Пинегу):

Воображаю, ах,
вид ангела размятого в кубах.
О, декаденские произведения!
В них бочка дёгтя заключает ложечку варенья...

И смеялся он притом, непобритыми щеками, перевёрнутым лицом. Длань прижав к её груди. За ступенькою ступеньку оставляя позади.

Прихожая была невелика,
в тених, блуждающих по стенкам,

Бадья стояла с дождевой водой,
немного крыша протекала непрерывною струёй.

Они вошли сюда несмелые,
став с расстройства белыми.
Плечо к плечу устав прижали,
среди прихожей робко встав.
Под низким облак дуновеньем
уста его негромкие шептали.

Петров:

С твоей руки прикосновенья (*нюхает*)
мы заступаем в мокрое лафе-кафе.

Входит лысый господин с неуклюжей переносицей.

Вошедший:

Сегодня не было моленья,
и я немного подшофе.

Пинега:

Какое странное явление,
нет, какое странное явление...

Петров:

Хоть он в старинном сюртуке
в руке с ломтём гавядины,
взгляд его неистов.
Он, верно, был кавалеристом,
главы сшибая гадинам.

Вошедший:

Кто вас прислал сюда, малютки?

Петров:

Один старик из полосатой будки.

Вошедший:

Старик всегда был исполнителен и точен,
к нам постояльцев
направляя каждой ночью.

Вбегают пёстрой шерсти собачёнка, остановилась, в Петрова вглядывается.

Пинегга:

Ай-ай!

Петров:

Зато я, как положено моряку-рыбаку, совершенно не боюсь собак. Но вот при виде этой пёстренькой весь позеленел.

Вошедший:

Глупости какие!
Не бойтесь, пёсик
имеет хмурый вид,
но даже лаять не желает.
А по ночам скулит
в надежде раздобыть награду
(бросает говядину)
Бери, топ шер!
Моё решенье: входите, будем рады!

Пинегга:

Так началось моё переселенье.

Вошедший
(покашливая):

Теперь, кхы-кхы, я буду вам провожатый.
За мной, за мной!
Allons enfants!
Alons бум-бум!

Далее: ВЫНУЖДЕННАЯ ВСТРЕЧА

У стен, взлетевших к потолку
Обоями, украшенных цветочками,
сидел бесспорный человек
колючею бородкой вверх.
Кругом в лохматых волосах,
с ясной рюмочкой бездонной,
ноги плети разбросав.
Кто эти, которые там стоят?
Как будто невзначай спросил.

– Ночлежники пришли, душою дети,
Надежды фантики тая, —
Провожатого слышался ответ.
– Отвали ему на чай!
Петрова проважатый попросил.
Разумный тот приняв совет,
Петров сыскал копеек двадцать,
Ещё Пинега из чулка рублей дала пятнадцать.

Тут мохнатый господин,
став лицом, став грудью красный,
верно был простолюдин,
поведением ужасный.
Бородёнкою, что мельницею машет,
а руками-кренделями тычет в бок.
– Мне, – говорит, – становится прекрасно,
примите уваженье наше
от страдающего телом:
от Бога!
Он питается голодной корочкой,
познания храня на полочке.
Ой, светик, ох, горюшко! —
скажите делом,
Кто своровал очёчки?
Я наблюдать желаю
пухленькие ручки.
Они-василёчки,
волосочков стаю.
Смотрите человечки, я повсеместно таю!
В животе моём томленьё,
плоть кудрявая в смятеньё,

ах, какая рыженькая вишня!

Пинегга:

Не ждала такого я переселенья.

Провожатый:

Сегодня мы хватили лишнего...

Петров:

Простите, сударь.
Я с невестой —
пепел труб, вагранок гарь,
подыскать решили место,
неразумные мы твари,
в светлой сакле над землёй,
и взошли к вам, растворённые,
в галках мыслях преклонённые.
И трепещем как листва
в ожиданьи божества...

ГОСПОДИН БОГ:

Ты обмишулился, любезник мой,
напрасен твой приятный слог.
В своём величии румянном
Я сам перед тобой:
Степан Гаврилыч Бог,
судьбы залечивающий раны.

Провожатый:

Приходят, понимаешь, люди
с душой простёртой, как на блюде,
а их встречает поведенье
достойное сожаленья.
Ты хорошо схватил на чай.
Теперь без лишних промедлений
вали, Гаврилыч, начинай.

ГОСПОДИН БОГ:

Сквозь грязь белья
и кости лбов
я вижу их насквозь.
С предельностью такой
клопа я наблюдал в диване,

хитросплетения его несвязных мыслей постигал.
А в час другой не меньший
в кармане блох бездомных настигал.
Их положительный рассказ
смерял рассудка стройные лады,
беспечно верующим стаду
вручал,
кадильницей клубя.
А вам, для нашего начала
скажу немного, но любя.

Петров:

Довольствуемся малым
и слушаем тебя...

ГОСПОДИН БОГ:

гвы ять кыхал абак.

Петров:

Чегой-то?

ГОСПОДИН БОГ:

гвы ять кыхал
абак имел имею...
Уразумел?

Петров:

Прости. Не разумею.

ГОСПОДИН БОГ:

Эх, неучённость, мрак.
Начнём с другого бока:
Амел абак
гвы ять
имел-имею...

Петров:

Не ухватить и не понять...

ГОСПОДИН БОГ:

Имею-иметь-имеешь

Осьмушками! осьмушками!
Ну, разумеешь?

Петров:

Осьмушками! гвы ять кыхал!
Не А, не Бе, то звук иной
шершавый тощий и больной.

ГОСПОДИН БОГ:

Но-хал!

Пинегга:

Петров, Бог не в себе!

ГОСПОДИН БОГ:

Простите, сударь,
вы с невестой
дрянь земли, утробы гарь,
жизни тухлые помои.
Обрести хотите место,
неразумные вы твари,
в светлой сакле над землёй...
а стоите над трясинной
развеваясь как осины.
Всё. Теперь со злости
Я вам переламаю кости.
В зловонный зад вгоню свечу
и чрева гниль разворочу!

Он с воплем сорвал тряпицу, за которой была скрыта другая комната.

Прочь, прочь!
Там досидите ночь,
авось найдёте место
тебе халде с твоей невестой.
Мокрицы, прелые онучи,
умалишённых испражненья.
Блевотина индюшек.
К башкирам упеку,
дубьё, яловый тын —
в Баштым,
в Уфу!!
Не знаю, что ещё сказать: Тьфу!
И он показал им голый живот.
Они сомкнулись без движения,

глядели косо врозь.
А между тем, в дверях
промокший ангел вырос.
У ног его кольцом свивался
трёхцветный булленбейсер Бум.
Взор ангела смеялся
под влияньем нехороших дум.

ГОСПОДИН БОГ:

Где шляешься, бездельник?
А вы идите, идите.
А то я возьму да прямо в вас плюну.
Будет неприятно, неопратно,
некультурно. Превеликий грех.

За его спиной раздался грозный смех.

Далее: ПРИБЛИЖЕНИЕ ОКОНЧАНИЯ

свят, свят, что там была за комната, куда они попали, и что в этой комнате творилось:

На низеньких палатах,
на пёстрых одеяльцах,
в убогой атмосфере
валялись постояльцы,
не то люди, не то звери.
Куда же встать,
куда присесть им,
чтоб сердца успокоить стук?
И как синички на насесте,
взобравшись на сундук
Они делили крошки из кармана,
делили нежность рук и ног.
Потёртые странички из далёкого романа
напоминал их уголок – бедные птички.
Ещё дремота не успела
их обступить со всех сторон,
ещё солдатка злобно пела,
изображая временами
то слабый вздох, то грубый стон.
Ещё тянул на флейте ноту
Горбун, качая сединами,
и голосил молитву кто-то
клюкою тыча в потолок,
когда сквозняк прохладным духом
в их тёмный угол приволок
господина с неуклюжей переносицей
и круглым ухом.

Вошедший
(Петрову):

Разрешите, сударь? Вас тут спрашивают.

Петров:

Жандармы?

Вошедший:

Хуже.

Далее: ВЕНЕЦ

что думалось под УСТРАШАЮЩИМ СЛОВОМ «хуже»? Неизвестно. Остальное происходило, словно бы заранее предусмотрено. Тот, с неуклюжей переносицей, отошёл в сторону и замер. Появился названный ангелом ещё путешественником и тоже замер, будто эти двое уподобились вбежавшему Буму, конечно, разделявшему всеобщее окаменение. Иначе возник пожелавший соблюдать тишину Иван Гаврилыч. С протяжным рёвом приблизился он к Пинеге и, напоминая искусного врача, заглянул ей в рот. Потом вскрикнул: «Эн и Энзя», более значительное: «Кинг и Балис» и самое важное: «Бори Бойкл». Пока этот вошедший занимался выкриками, называемые Петровым и Пинегой, ничего не ответив на умалишённые слова, отсели друг от друга. В те же мгновения названный Иваном Гаврилычем, а ещё Богом (какой же миракль без богов), приблизился к стоявшим и, подобно другим, молча замер. Тогда и утвердилась никем не нарушаемая тишина.

Тем временем именуемые боярами гости начали подрёмывать, хотя еле волочившие штилеты подавальщики продолжали таскать к столам созревшие онучи, амяку, кубяки, всякое другое. На помосте оказались все участники. Перед гостями предстали даже те, которым по причине времени не удалось показаться в миракле: милиционеру Слёзкиной, апостолам, министрам. Вылезла палка о трёх концах на пару минут и всё. Теперь она плясала.

Тормошил одну из конечностей собравшийся покинуть подвал главный завсегдатай – пан Кубельчик. Совсем по иному вёл себя Бенбойкайло. От общей усталости он перестал притворяться, держа в руке ни лампочку ни свечку, а баскетбольный мячик. Зачем? Он-то хорошо это знал. Я тоже, но совсем другое: про общее знание. Хотя, как мне говорили, знать можно и не зная, что, мол, знанию не подлежит. Вот как интересно получается.

Особенно усердствовал стоявший со мной рядом названный Иваном Гаврилычем:

– Знание, – шептал он мне на ухо, – и есть я сам, кем был, тем навсегда и останусь. Знание даже то, что не очень... Этот лицедей то и дело старался подбросить хрустальную вазу, неизвестно откуда появившуюся в подвале. Ему, конечно, такое сделать не разрешили категорически.

Другие к тому времени успели отделаться от всевозможных поделок, среди них, глиняные маски.

Покидая подвал, каждый оказался на взморье и вместе с другими распевал давно забытое:

Ать два – взяли
и распались
и распали на дому.

Анджи-банджи
панш авму.
Яц сим сулюю
стур и стра
стры сву песс
ши без шу
ши без шу

И опять сначала:

Ать два – взяли.

Громкое пение. Лес первых и погожих струн, безмолвных струй.

И тогда за выходящими и поющими кто-то беззвучно смотрел, должно быть сверху, напоминая упавшую в пространстве луну, ветер, даже воздухоплавание, даже парус, даже крест, значит многое.

Там, в тяжёлых грубых тучах, приятных стру́ях, в затухающем от усталости сознании, в каждом проподнющем взгляде виделось, виделось, виделось...

О, господи!
значит смей и омвей
значит амун
значит – амук
значит – аминь.

*Ташкент, Москва, Ленинград
1943–1988*

Миракль из Мо-хо-го

*итак подвал... отнюдь не тот,
я там бывал.
Зачем, зачем, – меня вы спросите?*

В. Хлебников
лето 1914 года

Разумный друг,
обутый вдруг.
С перстом разутым
и воздетым.
Тот подмыт,
подбрит, завит,
Ты – только ты, – убит,
гурьбой задетый.
У нас не то,
у вас не так. —
Волнуйся в такт
пустынной катке.
Там волны бьются гладки,
тут чайки выются телом гадки.
О, сколько грубых лет,
зверей калек
мучительных дверей
в обратное пространство.
О, сколько мух
и сколько мук!

Под крышами и бездонными провалами печных труб, вознесённых в сумеречную темноту Петербурха...

Там связь литавр,
здесь чернь и грязь,
но в блеске Невский.
Там стоны струн,
здесь невских струй
леса.
стры сву
сры шук
щи шу
шы зук...

Далее сведения для тех, кому предстоит посетить продуваемый балтийскими ветрами раус, чтобы сообщить о подземных встречах, происходящих в здешнем подвале, каждую неделю, с пятницы на четверг, ровно в полночь. Проходим, преобразившимся в гостей, пред-

ставляется случай сбегать по ступеням, в которых некоторые предусмотрительно заменены холстиной, соломой, всякой всячиной...

А внизу, у столов, распоряжаются молодцы с узкими, словно птицы, головами. Они угощают каждый своего гостя, разумеется, за наличные, то маринованными бубликами, то бочковым саламским пивом.

Далее звучит на плохоньком помосте перечень тех, кто будет играть миракль. Перечень произносит женский голосок, напоминающий контрабас. Голосок возникает среди общего гомона, когда одни шумно ухватывают поданную снедь, а другие шумно высказываются, вроде того:

– А каков нынче урожай струквы?

– А умён ли философ Бердяев?

или того хуже: – За сколько от нас вёрст разместился Господь Бог, да и велик ли он ростом?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.